

ИЗ ФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ

С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

Хитрая девочка

29697

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
1942

„ХИТРАЯ ДЕВЧОНКА“

Новелла

Глаза у нее были светлые, а взгляд — быстрый, сразу дающий оценку, — это отмечал в ней всякий, кто в первый раз ее видел.

Ростом она вышла невелика, — плохо питалась в детстве, — но любила говорить о себе поговоркой: «Птичка-невеличка, да коготок востер». Небольшое легкое тело ее было ловкое, верткое, хотя и без сутливых, лишних движений. Во время сложной домашней работы тонкие детские руки ее мелькали здесь и там, как бы не делая никаких усилий, однако все бывало сделано как надо и в срок или даже гораздо раньше. Быстрый взгляд ее светлых глаз не пропускал при этом ничего, что делалось кругом, а очень чуткий слух ловил все звуки. Так, деятельно помогая матери в семье, где она была старшей из четырех ребятишек, она в то же время знала все и обо всех в целом доме, где было порядочно квартир.

Мать ее работала ткачихой, — уходила на фабрику утром, приходила к вечеру усталая, а ее двенадцатилетняя старшенькая Зина мало того, что кормила ее приготовленным без нее обедом, но еще и успевала при этом передать кучу разных новостей о жильцах дома — соседях.

— Ух, и хитрая же ты у меня девчонка растешь! — сказала как-то мать Зине, глядя ее русые волосы, заплетенные в две косички.

— О-о, а как же! Я очень даже хитрая, мама! — тут же и радостно отозвалась на это Зина. Так и пошло с тех пор и дома, и по всему двору — «хитрая девчонка».

Училась она мало, — некогда было, но читать-писать все-таки умела, а считала безошибочно, потому что сама покупала на рынке каждый раз все, что нужно было для обеда на семью в пять душ (отец ее умер, когда ей было лет восемь).

Тремя младшими — двумя сестренками и братишкой — она командовала изо дня в день, нисколько этим не тяготясь, между делом, и покрикивая иногда для остротки:

— Ой, смотри у меня, а то шлепки дам!

И младшие ее слушались. И так тянулось, пока не подросла ей смена и сама она не поступила на ту же фабрику, где работала мать.

Ей было уже восемнадцать лет, когда началась война и немецкие истребители и бомбовозы загудели над их городом.

Она рыла окопы вблизи городских окраин вместе с тысячей рабочих женщин, а в городе уже рвались сброшенные бомбы и гремела ответная пальба зениток. Наконец, снизившись так, что было видно кресты на крыльях и свастику на хвосте, один воздушный разбойник открыл по ним, работницам-землекопам, стрельбу из пулемета. Зина не пострадала тогда сама, но около нее оказались две женщины раненные, одна убитая. В тот же день, вечером, Зина стояла в военкомате, просясь на фронт.

— Ну, вы — такая маленькая, — куда уж вам на фронт! — сказали ей там.

— Ничего подобного! — возмутилась она. — Птичка-невсличка — коготок востер.

— Вообще очень молоды вы, — сказали ей на это и занялись другими делами.

— Восемнадцать лет уж имею, — разве мало? — спросила она и добавила не без гордости: — Кроме того, я очень хитрая, товарищ военком.

Не помогло это, — ее не взяли.

Тогда, обиженная и упорная, она пробралась на фронт сама, когда линия фронта проходила от города уже всего только в тридцати километрах.

Здесь тоже сначала удивились ей, когда она заявила, что хочет ходить с бойцами в разведку, но потом все же оставили ее, хотя и не разведчиком, а санитаркой, когда узнали, что перевязывать раны она училась.

Ей выдали шинельку, плащ-палатку. Она казалась в шинели мальчиком, питомцем роты. Но в первом же бою, такая маленькая и с виду бессильная, заставила она отнестись к себе серьезно.

Казалось всем, что первый большой бой, в который она попала, должен был оглушить, ошеломить ее, раздавить непомерным грохотом артиллерийских залпов, взрывами огромных снарядов, жутким звериным завыванием мин, зловецким тататаканьем ужаснейших машин истребления людей — пулеметов и автоматов; однако она, маленькая восемнадцатилетняя ткачиха, перенесла, не теряясь, не только это.

Пели пули кругом, но ведь она была санитаркой, — ей надо было работать, надо было спасти раненых бойцов.

Как именно? — подползать то к одному, то к другому и отгаскивать их в сравнительно безопасное место вместе с их оружием.

Большая нужна была ловкость, чтобы не только подползти, но суметь и взяться за раненого так, чтобы удобнее было его тащить и ему чтобы не было слишком больно. Этому ее никто не учил, да

всех случаев при этом трудном деле нельзя ведь и предвидеть.

Она ползла под пулями и подбадривала себя: «Ничего-ничего... я доползу, я — хитрая...»

В детстве любила она смотреть на муравьев, тащивших других муравьев в свой муравейник. Зачем они это делали, она не знала, но наблюдала за их работой с большим любопытством. Теперь сама она была таким же муравьем.

Вот взорвалась мина шагах в двадцати, — выла-выла и трахнула... прынуло вверх широкое полотнище дыма, земли, осколков, — заволочло свет.

Рядом с раненым в обе ноги, которого Зина тащила, она прикинула к земле, точно перепелка в виду ястреба, и несколько мгновений не чувствовала даже, жива ли она или с ней все кончено. Но стоило только ей убедиться, что жива и даже не ранена, как она уже проворно ползла дальше и тянула одной рукой раненого, другой — его винтовку.

Так под сильным обстрелом, где прячась за груды вздыбленной бомбардировкой земли, где принимая за кустом, где пережидая в воронке шквальный огонь, спасла она во время этого боя шестнадцать бойцов и одного командира.

Бой не был проигран, но все же часть получила приказ отступить.

Отступали недалеко, ночью, а рано утром Зина заметила наш подбитый танк, оставленный между новыми линиями наших и вражеских войск.

Что же делать, — подбили танк, пришлось его бросить, — ну, а вдруг в нем раненые танкисты? Этот вопрос не давал ей покоя. С ним обращалась она и к бойцам, и к младшим командирам, — никто, конечно, не мог ей на него ответить. Только старший лейтенант Назимов, командир роты, присмотревшись к танку в бинокль, ответил определеннее:

— Танк не сгорел, а подбит... люди в нем могут быть,— однако едва ли они живы.

— А если пойти посмотреть?— спросила Зина.

— Пойти бы можно, конечно, только едва ли стоит,— сказал Назимов и отошел. Приказа пойти к танку Зина не получила, запрета — тоже. Она решила идти, так как вблизи танка не видела немцев и так как наплывал густыми волнами белый туман.

Итти, впрочем, можно было только вначале, пользуясь мелколесьем, а потом ползти, как пришлось ей это делать во время боя.

Теперь, когда бой утих, задача показалась ей легче и проще. Она подползла к танку, пустив в дело всю свою хитрость.

Только лисица могла бы так подкрадываться к барабанящему лапками утреннюю зорю зайцу, как она подкралась, наконец, к танку, припавшему на правый бок и искалеченному снарядом.

Была какая-то смутная радость от удачи, что добралась незаметно для врага, и в то же время ныло сердце: а вдруг командир прав, и в танке или никого уже нет, или только лежат убитые? Тогда напрасно, значит, она и пустилась на такой риск.

Люк был сворочен. Она влезла на танк.

Трое танкистов лежали окровавленные, скорчившись и без движения. Значит,— напрасно ползла.

Все-таки, может быть, кто-нибудь из них жив еще... И она начала поочередно трясти их за плечи. Не напрасно — один застонал, не открывая глаз.

Двое других были убиты, но третьего, тяжело раненного, Зина вытащила из танка. Он открыл глаза, посмотрел на нее мутно и удивленно, потом застонал от боли.

— Молчи!— приказала ему она.

Туман отползал, напал, и вместе с ним могли напалзти и немцы.

Действительно, ей удалось только дотащить танкиста до кучки почерневшего от дождя сена, как возле танка, шагах в пятидесяти от сена, выросли трое немцев. Один из них влез на танк и, повернув винтовку прикладом вниз, несколько раз подымал и опускал ее яростно: умертвляя мертвых. Слышны были глухие звуки ударов даже и танкисту, — не только Зине. Он сказал с усилием, полупропотом:

— Вот так... и нас с тобой... убьют... Ты застрели меня, а сама беги.

— Ничего, молчи, — прошептала она ему на ухо, — не заметят.

Всем юным существом своим верила в то, что не заметят, ни за что не заметят, уйдут дальше... И то, во что так сильно верилось, случилось: немцы пошли в другую сторону, и тут же нахлынула новая волна белого, как вата, гумана. Тогда она захватила правой рукой правое же плечо танкиста и потащила его к своим. Когда он стонал, она зажимала ему рот и шептала:

— Молчи, сейчас будем дома.

Однако это «дома» было за полтора километра, и несколько часов тащила Зина, как муравей, свою ношу, раненого, сначала под прикрытием тумана, а потом, когда он поднялся, по мелкоколесью. Здесь она даже рискнула взвалить его на плечи, чтобы было скорее, а когда он застонал при этом сильнее прежнего, сказала забывчиво, совершенно так же, как говорила младшему братишке — в то время, как ей самой было двенадцать лет:

— Молчи, а то шлепки дам.

И она принесла его к удивлению всех, а больше всех — старшего лейтенанта Назимова, уже считавшего ее погибшей.

Уложив спасенного поудобней, она сделала ему, как сумела, первую перевязку, чтобы потом передать его врачу.

— Да вы знаете, Зина, что вы сделали? — с торжественным вопросом обратился к ней Назимов.

— Знаю, — разведку, товарищ старший лейтенант, — догадливо ответила «хитрая девчонка».